

Глава 11

Охота на зайца

На следующий день, когда Хань Линя спросили, что у него с рукой, он ответил, что поскользнулся на снегу и упал.

Глядя на его безразличное лицо, Вань Минъюэ засомневался, не ошибся ли он вчера с тем парнем, за которым наблюдал.

Все думали, что Хань Линь не задержится в Чанъане надолго, просто выполнит формальности и вернётся в Лоян. Но и следующим летом его то и дело можно было видеть на улицах города вместе с Яо Хуаном, а за ними тенью следовал высокий и крепкий Вэй Цзы.

Одним летним вечером Хань Линь, перебрав, ввязался в драку. Да в такую, что едва не разнёс весь второй этаж таверны.

Обычно, когда они выпивали, то сидели за одним столом, и если кто-то пьянел до беспамятства, его было кому поднять. Но в тот день никакого застолья не было, и никто не знал, почему юноша в одиночестве напивался в таверне.

Видимо, он и сам предполагал, чем всё закончится, потому что не взял с собой саблю. И слава богу.

Противников было много, и они не знали, кто перед ними. В драке Хань Линь орудовал кулаками против мечей и палок, так что отделался не слишком серьёзными ранами, но разбил нос, и вид у него был весьма героический.

Когда Вань Минъюэ прибыл на место, оппоненты уже узнали от кого-то, что это тот самый бывший мясник. Они заметно струхнули и, не поднимая шума, лишь тихо пробормотали:

— Что за пьяные выходки? Присмотрите за ним получше, — и убрались восвояси вместе со своей компанией.

Минъюэ усадил окровавленного Хань Линя у входа, вытер ему лицо и стал ждать, пока хозяин принесёт тушь для отпечатков пальцев. После такого погрома нужно было составить долговую расписку.

Он услышал имя Хань Линя. Прислушавшись, молодой человек понял, что это один из посетителей таверны объяснял причину драки. Оказывается, те парни, захмелев, упомянули Хуа Цзянься в не самых лестных выражениях. Хань Линь сидел за соседним столом, услышал это, подошёл и перевернул их стол.

«И когда он только успел набраться этого у И Утун?» — подумал Вань Минъюэ.

— Надо сказать, парень он вспыльчивый, но за своих горой.

Услышав это, Вань Минъюэ не смог сдержать улыбки. Он посмеивался всю дорогу, пока тащил друга к Павильону Дождя. Остановившись за квартал до места, он толкнул опершуюся на его плечо голову и злорадно сказал:

— Слышал? Тебя назвали верным другом.

Хань Линь был ещё в сознании, но не разобрал слов. По тону он понял, что Минъюэ снова над ним подшучивает, и не стал отвечать.

Но не успел тот договорить, как с другой стороны улицы раздался голос:

— Спасибо, что привёл его.

Незаметно наступил новый месяц, и Шангуань Цюэ явился точно по расписанию.

Вань Минъюэ передал ему Хань Линя, достал долговую расписку с отпечатком его пальца и протянул её Цзыюэ.

— Пусть как-нибудь заплатит.

Шангуань Цюэ одной рукой обнял Хань Линя за талию, другой взял расписку и вежливо сказал:

— Благодарю за беспокойство.

Поворачиваясь, чтобы уйти, Вань Минъюэ услышал разговор двоих за своей спиной.

— Ты подрался?

— Угу, — пьяно промычал Хань Линь.

— Победил?

Пьяница гордо хмыкнул пару раз, прозвучало это довольно глупо:

— Конечно.

Позже Вань Миньюэ узнал, что заместитель Владыки Павильона наказал Хань Линя, посадив его под домашний арест на два месяца. Через пару дней он встретил его на улице и, поздоровавшись, спросил:

— Ну что, осмелишься ещё раз выпить?

— Больше ни за что, — криво усмехнулся Хань Линь.

Миньюэ задумался.

— А разве ты не под арестом?

— Заместитель Владыки написал приказ, но на нём нужна печать. А печать сейчас у Шангуань Цюэ, он её ещё не поставил. Приказ вступит в силу только после этого.

— Откровенное злоупотребление властью, — рассмеялся Вань Миньюэ.

Они стояли у лотка торговца-хусца, заваленного разными диковинными украшениями вроде волчьих клыков. Вань Миньюэ взял в руки кривую саблю из булатной стали, вынул её из ножен. Лезвие сверкнуло.

— Неплохо, — одобрительно хмыкнул он.

— Тогда заверните, — сказал Хань Линь, бросив на неё взгляд.

— Нет-нет, я просто смотрю, — поспешно отказался Вань Миньюэ, обращаясь к торговцу.

— Считай, это подарок. За твою помощь на днях, да и день рождения у тебя скоро, — сказав это, Хань Линь указал на пару серебряных серёг-колец. — Снимите, я примерю.

Это были не женские серьги. Вань Миньюэ присмотрелся и только тогда заметил, что правое ухо друга было красным донельзья, а в мочке и хряще торчали две чайные веточки.

— Что это у тебя?

— Вчера перебрал. Старший брат говорит, я сам его упросил проколоть, — Хань Линь взял кольца, но никак не решался вытащить веточки. — Я, кажется, полгода назад говорил, что эти хусские штучки выглядят круто. Как я вчера об этом вспомнил?

— Ты ничему не учишься, — сказал Вань Миньюэ. — Тебя только недавно наказали, мало показалось? Опять напился?

— Моему старшему брату нелегко сюда добираться.

— Нелегко, а он каждый месяц приезжает. Говорят, ваш Владыка Цзян на него сильно полагается, разве он не должен быть очень занят? — видя, что юноша не решается прикоснуться к уху, Вань Миньюэ сам вытащил веточки и вдел ему серьги.

— Осторожнее, больно! — вскрикнул Хань Линь.

— Больно? Так пусть он здесь останется, и дело с концом.

— Тогда я зря терпел боль? — Хань Линь посмотрелся в зеркало.

— А с другой стороны что? Давай я и туда вдену.

— Только с одной стороны прокол, — Хань Линь повернулся к нему, доставая деньги, чтобы заплатить за серьги и саблю.

Вань Миньюэ убедился, что это правда, и, отойдя от лотка, снова оглядел его.

— Шангуань Цюэ хоть и пьян был, а рука у него твёрдая. Хорошо прокол.

— Он за последние два года на переговорах натренировался, пьёт лучше меня. И чай всё крепче заваривает, — видя, что Миньюэ на него пялится, Хань Линь предложил: — Хочешь, и тебе пару сделаем? У торговца, кажется, пистолет для прокола есть.

Вань Миньюэ покачал головой.

— Это не для всех. Тебе с твоей внешностью что ни сделай, всё к лицу.

Хань Линь со смехом схватил его за руку.

— Не попробуешь — не узнаешь. Давай в левое?

Вань Миньюэ тут же прикрыл уши руками.

— Проколешь уши — в следующей жизни девчонкой родишься.

— Ха-ха-ха! А говорил, не веришь в суеверия своего наставника! — рассмеялся Хань Линь.

Миньюэ ткнул его локтем и, бросив: «Хочешь — верь, хочешь — нет», — зашагал прочь, подбрасывая на ходу саблю.

Приказ о домашнем аресте истёк в августе. Те два месяца Хань Линя действительно не было видно на улицах Чанъаня. Вань Миньюэ тоже его не встречал.

Раньше, когда Павильон Темного Дождя и Орден Безмолвных Цикад дружили, они устраивали совместные пиры, сидели за одними столами. В Ордене порядки были нестрогие, иначе не случилось бы той истории с И Утун. В Павильоне было пожётче, но если бы Вань Миньюэ захотел пробраться внутрь, он мог бы либо подкупить стражу у боковых ворот кувшином вина, либо просто перелезть через стену — на это закрывали глаза.

Теперь всё изменилось. Три месяца назад из-за награды за поимку преступника в Ханькоу между двумя кланами вспыхнул конфликт. В ход пошло оружие, с обеих сторон были убитые. Вспомнили старые обиды — десять лет назад они враждовали не на жизнь, а на смерть. По разным причинам отношения между кланами в Чанъане снова накалились.

Стычка произошла на праздник Цинмин. Вань Миньюэ каждый год ездил в Ханькоу на могилы предков и узнал о случившемся на обратном пути, когда было уже слишком поздно.

Павильон Дождя ужесточил контроль над своими людьми, запретив им действовать на эмоциях. Хань Линь попал под горячую руку. В обычное время за драку его посадили бы под арест на десять дней.

И Утун рассказывала, что Яо Хуана постоянно наказывают за его вспыльчивый характер, а Вэй Цзы сидит с ним в Павильоне за компанию. Вань Миньюэ подумал, что неудивительно, почему он какое-то время видел Хань Линя одного.

К тому же, те, с кем подрался юноша, понимали свою вину и не стали поднимать шум и жаловаться к воротам Павильона.

Отношения между кланами испортились, что особенно ударило по Шао Ланьтину и И Утун. Они уже познакомили друг друга с родителями и готовились к свадьбе, но теперь, в такой напряжённой обстановке, будущее было туманно. Шао Ланьтин целыми днями ходил с постным лицом, и даже у его лотка с каллиграфией поубавилось народу.

Но весь август Хань Линя не было видно. Говорили, что как только его выпустили, тут же отправили в Мобэй ловить конокрадов.

Он вернулся в Чанъань в середине сентября. Вань Миньюэ, сожалея, что не смог поздравить его с совершеннолетием, подарил ему хорошую саблю, которую нашёл на рынке.

— Я давно её приготовил. Что за конокрады, что ты так долго с ними возился?

— Да не особо и возился, — сказал Хань Линь. — Просто по дороге встретил Шангуань Цюэ, и он затащил меня к себе отметить день рождения. Последние два года он пропускал, а скоро ему нужно будет уехать в Сычуань на пять-шесть месяцев, в Чанъань не приедет. Вот мы и задержались в Вэйчэне на несколько дней.

Хань Линю очень понравилась длинная, слегка изогнутая сабля. В тот же вечер он продемонстрировал её Вань Минъюэ и носил с собой следующие два дня.

До этого он пользовался той же саблей, с которой тренировался в школе, — простой прямой клинок старого образца, не представлявший особой ценности, но удобный. Таких, наверное, ещё несколько комнат завалено в горах Линьси.

Первые пару лет Бай Ин держала Вань Минъюэ на низших должностях. За исключением тех двух дней, когда Хань Линь для опыта тоже занимался слежкой, их пути на заданиях почти не пересекались. Но потом, видимо, Бай Ин наконец вспомнила, что у неё в Чанъане без дела валяется тот самый Минъюэ, прославившийся вместе с Хань Линем и Шангуань Цюэ. С мая из Шаньчэна в Чанъань каждые полмесяца стали приходить письма, и с каждым из них молодой человек поднимался всё выше.

С высоким положением пришла и большая ответственность. Он наконец-то начал заниматься делами того же уровня, что и Хань Линь. И вот, в октябре, в Цзинь-Алине, их пути снова пересеклись: Вань Минъюэ преследовал тех, кто с помощью гу вымогал деньги, а Хань Линь — тех, кто тайно торговал в Лояне опиумом.

Хозяин-ханец в мясной лавке объяснил им, что «Цзинь-Алинь» на монгольском означает «белый хребет». Зимой здесь холодно, снег идёт густо и плотно, сугробы вырастают выше человеческого роста. Подавая им дополнительную тарелку колбасы, хозяин присел поболтать.

— На границе беспокойно, — сказал он. — Если вы, ребята, приехали сюда отдохнуть, то лучше не задерживайтесь. Вы одни, силы неравны. Побудьте пару недель и уезжайте.

Дела у обоих были важные, иначе бы их сюда не послали. Каждый привёл с собой немало людей. Но когда две группы столкнулись, старая вражда вспыхнула с новой силой. За исключением Хань Линя и Вань Минъюэ, остальные держались холодно и не разговаривали друг с другом. Они поселились на разных концах деревни. Воспользовавшись передышкой, друзья под предлогом разведки местности тайком выбрались из деревни.

Выйдя из мясной лавки, они недолго шли по дороге вниз с горы, как вдруг пошёл снег. В начале октября было ещё не холодно. Хань Линь с любопытством наблюдал за сободем, карабкавшимся по дереву.

— Интересно здесь, — сказал он.

Но Вань Миньюэ было не до того. Он осматривал окрестные горы, зарисовывая на бумаге карту местности. Он был по натуре осторожен, и ему показалось, что в словах хозяина мясной лавки был скрытый смысл.

По дороге вниз он наконец заговорил с Хань Линем:

— Где сабля, которую я тебе подарил? Потерял?

— Нет, а что?

Вань Миньюэ постучал пальцем по старой сабле у него на поясе.

— Тогда почему снова эту носишь?

— Твоя слишком дорогая. Говорят, за неё можно купить дом в Чанъане.

— Сабли куют для того, чтобы ими сражаться, — сказал Миньюэ, не отрываясь от карты. — А ты со своей старой развалиной носишься: то вином её протираешь, то после боя, не вытерев, в ножны снёшь. Она же портится. Однажды сломается в бою, и ты лишишься жизни. Разве не лучше иметь дорогую саблю и обращаться с ней бережно?

— Ты говоришь прямо как мой наставник, — скривился Хань Линь. — Когда я иду в бой, то при мысли, что на ней может появиться зазубрина, у меня сердце кровью обливается, будто от моего дома кусок отвалился. Я рубить не могу.

— Это всё от бедности, — хмыкнул Миньюэ. — Ты подумай, как к тебе относится Цзян Шуйянь. Скоро весь Павильон будет твоим, и ты на мою саблю даже не помотришь.

— Ха-ха-ха, обещаю, я всегда буду хранить твою саблю на самом почётном месте в своей коллекции. Клянусь, хорошо? — Хань Линь поднял было руку для клятвы, но Вань Миньюэ её отвёл.

— Плохая примета, — он протянул мизинец. — Давай на мизинцах.

Странно, но Хань Линь не понимал, почему такой искушённый человек, как Миньюэ, рядом с ним всегда вёл себя как тринадцатилетний мальчишка.

Юноша с улыбкой по-детски сцепился с ним мизинцами, крепко прижав свой большой палец к его, и сказал:

— Не волнуйся, мой наставник знает о моей причуде и каждые полгода присылает мне две-три

новые сабли. А к этой я привык за много лет, она удобная и острая. Всё в порядке.

Предчувствия Вань Миньюэ редко его обманывали. Вернувшись, он понял, что случилась беда.

Расставшись с Хань Линем, он вошёл в гостиницу и сразу почувствовал неладное. С улыбкой сказав, что забыл кое-что купить, он повернулся, чтобы уйти, но тут же ощутил тупую боль в затылке, и мир померк.

Когда он очнулся, вокруг было холодно. Кровь на затылке запеклась, склеив волосы. Он поднял голову, и кристаллики, падавшие с неба, таяли на его лице. Снег?

Голова раскалывалась. Теперь он понимал, что чувствует арбуз, когда его разбивают. Когда боль немного утихла, он открыл глаза. Сознание почти вернулось, и он понял, что находится на улице, в полной темноте, и кто-то несёт его на спине.

— Ласточка? — тихо спросил тот, кто его нёс.

Он узнал голос Хань Линя, и на душе стало спокойнее.

Хань Линь бежал с ним на спине в горы. По дороге они обменялись новостями. Тот сказал, что две группы, за которыми они охотились, скорее всего, заодно. Его людей тоже вывели из строя. Хань Линь чудом спасся и сразу же бросился к месту, где остановились люди из Ордена Безмолвных Цикад. Их было меньше, и основная засада была устроена там. Когда он ворвался, то увидел Вань Миньюэ, лежащего на полу. Они ждали, когда другая группа приведёт Хань Линя, и обсуждали, как поступить с двумя уцелевшими.

Он хотел было продолжить, но сзади послышался шум и замелькали огни. Хань Линь тут же замолчал и ускорил шаг.

В темноте можно было ориентироваться лишь по отблеску снега. Хань Линь бежал всю ночь, прежде чем им удалось оторваться от преследователей. Но снег всё усиливался и к утру не прекратился. Сугробы были по колено, и юноша с трудом вытаскивал из них ноги. Вань Миньюэ почувствовал, как тело Хань Линя становится всё холоднее. Нужно было срочно найти пещеру, чтобы укрыться от снега, но до полудня они так ничего и не нашли. Съеденная вчера баранина давно переварилась, и Вань Миньюэ почувствовал острый голод.

Хань Линь шёл всё медленнее. Сначала он ещё отвечал на вопросы с улыбкой, но потом стал лишь мычать в ответ.

Так продолжаться не могло. Они попробовали идти, поддерживая друг друга, но у Вань Миньюэ кружилась голова, и он не мог стоять на ногах. Хань Линь снова взвалил его на спину, и вскоре Миньюэ опять потерял сознание от боли.

Очнулся он в маленькой деревянной хижине. Несмотря на толстый слой пыли, обстановка была полной. Оглядевшись, он не нашёл Хань Линя.

У камина стояла треснувшая жаровня с углями. Судя по тому, что огонь почти погас, тот, кто его разжёл, ушёл давно. Вань Миньюэ не знал, сколько проспал. Превозмогая головную боль, он сел. Рана на голове была перевязана куском ткани. Сон немного облегчил боль, и теперь он мог ходить. Он подбросил в жаровню дров и, открыв дверь, выглянул наружу. Снова стемнело.

На улице бушевала метель. Холодный ветер ворвался в хижину, мгновенно выдув всё тепло, и ему пришлось тут же закрыть дверь.

Собравшись с силами, Вань Миньюэ пересчитал дрова, растопил камин и сел ждать Хань Линя. Примерно через час снаружи послышался шум. Он крепко сжал охотничий нож, найденный в хижине, не решаясь пошевелиться.

Дверь со скрипом отворилась, и в хижину ворвался порыв ветра со снегом. Хань Линь, войдя, закрыл за собой дверь. За спиной у него был лук, на поясе — бамбуковое лукошко. В руках он держал фазана и зайца. Его волосы и одежда были покрыты снегом.

То ли от ветра и снега, то ли от чего-то ещё, его лицо было синевато-бледным, а губы — бескровными. Увидев, что Вань Миньюэ очнулся, он заметно расслабился.

— Как голова?

Вань Миньюэ покачал головой.

— Ничего, пара дней сна, и головокружение пройдёт.

Ощипывая фазана, Хань Линь рассказал, что в хижине много охотничьего снаряжения. Когда он нашёл его, всё было покрыто пылью, хозяин, скорее всего, однажды ушёл на охоту и не вернулся. Он нашёл аптечку с множеством подписанных лекарств. Сказал, что им повезло найти такое место в их положении.

— Повезло попасть в такое положение? — спросил Вань Миньюэ, когда они ели курицу.

Хань Линь рассмеялся. Сказал, что вчерашний снегопад вызвал обвал, и он проверил — все дороги завалены, так что враги до них не доберутся. Съев жареного фазана, юноша освежевал зайца и повесил его сушиться у огня. Затем достал из лукошка несколько замёрзших змей, отрубил им головы, вырезал желчные пузыри и тоже повесил у огня. Только после этого он разделся и лёг спать.

Вань Миньюэ чувствовал, что Хань Линь сильно замёрз на улице. Тот долго лежал под одеялом, но оставался холодным, как лёд.

На следующий день Вань Миньюэ проснулся. Головокружение почти прошло. Увидев, что Хань Линь спит, он вышел на улицу, набрал в котёл снега, растопил его на плите и поставил вариться зайчатину.

Но мясо уже разварилось, а Хань Линь всё не просыпался. Вань Миньюэ подумал, что он просто устал, и решил его разбудить, чтобы тот поел горячего и снова лёг спать. Он несколько раз толкнул его через одеяло, но тот не реагировал. Тогда Миньюэ сунул руку под одеяло и почувствовал, что Хань Линь холодный, как ледяная статуя.

Но это было не всё. Толкнув его, Вань Миньюэ ощутил на руке что-то липкое и холодное. Вытащив руку, он увидел, что она вся в крови. Он торопливо откинул одеяло и увидел, что живот юноши пропитан кровью. Расстегнув верхнюю одежду, он обнаружил перевязанную ножевую рану.

Не успев даже подумать, когда тот мог её получить, Вань Миньюэ бросился к аптечке и, дрожащими руками, обработал рану, остановив кровотечение. Но самым страшным было не это. Хань Линь был неестественно холодным, холоднее, чем мертвец. К счастью, он ещё дышал. Миньюэ влил ему в рот несколько чашек горячей воды, и только тогда тот, казалось, начал немного теплеть.

К полудню Хань Линь открыл глаза. Увидев это, Вань Миньюэ почувствовал, как к горлу подступает комок, и едва не расплакался.

— Ничего, я выкарабкаюсь, — прохрипел Хань Линь.

Вань Миньюэ накормил его зайчатиной и спросил, что произошло после того, как он потерял сознание.

— Ты умеешь извлекать гу? — неожиданно спросил Хань Линь.

— Нет, — за несколько лет он провёл в Шаньчэне в общей сложности не больше полугода и не имел дела с такими сложными техниками.

— Они, кажется, решили позабавиться. Сказали, что спасут тебя, если я проглочу гу «Ледяного Холода».

— И ты проглотил?! Ты с ума сошёл?! — вскрикнул Вань Миньюэ.

— Гу можно извлечь, а мёртвого не воскресишь, — спокойно произнёс Хань Линь. — Будь ты на моём месте, поступил бы так же.

Вань Миньюэ же знал:

«Я бы так не поступил».

Даже ради самого близкого друга он не пожертвовал бы своей жизнью.

Так же, как в те первые месяцы после ухода из школы, когда та весёлая девушка-атаманша, тяжело раненная и больная, уговаривала его бросить её. Он оставил ей всё, что мог, но всё же ушёл. Воспоминания об этом до сих пор причиняли боль — такая хорошая была девушка, жила бы сейчас припеваючи. Но он ни разу не пожалел о своём выборе.

Он с таким трудом добрался до своего нынешнего положения. Без жизни всё было бы напрасно. Жизнь — это самое ценное, что у него есть, и он не пожертвует ею ради чего-то столь неосязаемого, как чувства.

Губы Вань Миньюэ дрогнули. Он крепко сжал их и притянул Хань Линя к себе, осторожно опуская подбородок на его покрытые инеем волосы.

— А рана откуда? — спросил он после долгого молчания.

Хань Линь с трудом перевёл дух.

— Когда я проглотил его, они сказали, что если я ударю себя ножом, они на час прекратят погоню.

Вань Миньюэ тут же понял, что они решили поиграть в охоту на зайца. Он вздохнул.

— Ты слишком сильно себя ударил.

— Я боялся, что если ударю слабо, они не сдержат слово. Одна дыра лучше, чем две. К тому же, если бы я ранил руки или ноги, то не смог бы тебя нести. Оставался только живот. Не волнуйся, я, кажется, не задел внутренности. И как только мы выбрались из деревни, я сразу же перевязал рану куском одежды, так что крови вытекло не так много.

Он ободряюще сжал руку Вань Миньюэ, но, почувствовав, какими холодными, словно камни со снежной горы, были его пальцы, тут же отдёрнул её.

— Просто... в таком состоянии я, наверное, не смогу встать с постели. Придётся тебе позаботиться обо мне, пока наши не поймут, что что-то не так, и не придут на помощь.

Но Вань Миньюэ перехватил его запястье и прижал ледяную ладонь к своей щеке, изо всех сил стараясь говорить прежним, спокойным тоном:

— Никаких хлопот.

<http://bllate.org/book/15990/1444106>